— Всё… всё в полном порядке, — выдохнул Нин Юй, но едва смысл сказанного дошёл до него, как лицо, едва успевшее остыть, вспыхнуло с новой силой. Он стыдливо опустил голову: — Бессмертный мастер Жуань, к чему вы об этом спрашиваете?

Жуань Синшу сокрушённо вздохнул:

— Хоть мы с моей жёнушкой и живём душа в душу, но в том, что касается наших… супружеских обязанностей, согласия между нами нет. Он вечно…

Нин Юй наконец сообразил, на что намекает собеседник. От ужаса он едва не свалился с табурета. Он округлил глаза и уставился на Жуань Синшу:

— Бессмертный мастер, вы же не собираетесь… по отношению к Его Величеству… — «совершить нечто непотребное?» — не решился он договорить вслух.

Синшу, не замечая отчаяния бедняги, продолжал со всей серьёзностью:

— Моя нянцзы всё время отказывается. Вот я и решил спросить у тебя совета. Это дело… — Тут он осёкся и удивлённо вскинул бровь: — Ой, ты чего на пол-то уселся? Там же холодно. Вставай, ну же.

Нин Юй и сам мечтал поскорее вскочить и со всех ног броситься прочь из этого дворца, но ноги его так ослабли, что отказывались слушаться. В голове пульсировала одна мысль: выжить. Собрав остатки сил, он повалился на четвереньки и пополз к выходу.

— Бессмертный мастер Жуань, — забормотал он на ходу, — у меня… у меня ещё дел невпроворот. Пойду я, пора мне.

Жуань Синшу поспешил за ним:

— Дела и подождать могут, не убегут. Ты мне сначала расскажи… — Он подхватил Нин Юя под локоть и помог ему подняться. — Давай, выпей чаю.

Синшу собственноручно налил чашку и вложил её в руки слуги. Нин Юй вцепился в неё, но пальцы дрожали так, что чай едва не расплёскивался. Он был готов разрыдаться:

— Бессмертный мастер, пощадите! У меня дома жена, дети… они же меня ждут!

***

Вернувшись во дворец Цинъюнь, Цзилинь сразу почувствовал: что-то не так.

Жуань Синшу то и дело бросал на него вороватые взгляды, но стоило императору посмотреть в ответ, как тот стремительно отворачивался. Раньше такого не случалось — он никогда не упускал возможности обменяться долгим, исполненным нежности взглядом, а заодно и стянуть какой-нибудь поцелуй под шумок.

Но странно вёл себя не только он. Всегда сдержанный Нин Юй казался совершенно дёрганным: руки у него ходили ходуном, когда он подавал блюда, а речь стала путаной и косноязычной.

Цзилинь молча наблюдал за этой переменой, не спеша задавать вопросы.

Странная атмосфера сохранялась до самого конца ужина. Наконец, император удалился в купальню и спустя некоторое время вышел оттуда. Осушив одежду с помощью духовной силы, он вошёл в спальню и обнаружил, что Жуань Синшу, которому полагалось дожидаться его на ложе, куда-то исчез.

В зале царила тишина, нарушаемая лишь негромким потрескиванием горящих свечей.

Цзилинь, не проявляя беспокойства, подошёл к столу и неспешно выпил чашку воды. Только после этого он направился к кровати. Стоило ему подойти вплотную, как за спиной раздался едва уловимый свист рассекаемого воздуха. На губах императора промелькнула мимолётная усмешка. Он резко обернулся — и точно: Жуань Синшу уже летел прямо на него.

Чтобы тот ненароком не ушибся в своей безрассудной попытке, Цзилинь не стал уклоняться. Напротив, он подхватил его руками, и они вместе повалились на мягкое ложе.

Жуань Синшу поднял голову; его лицо сияло торжеством — так радуется ребёнок, чья шалость удалась.

— Ты что, пёс из Ведомства духовных зверей? — невозмутимо спросил Цзилинь. — Бросаешься на каждого встречного?

— Не на каждого, — возразил Синшу. — Только на тебя.

С этими словами он быстро поцеловал императора в подбородок.

— Вставай, — скомандовал тот.

— И не подумаю, — Синшу отказался двигаться. Напротив, он приник к нему всем телом и, понизив голос, прошептал прямо в ухо: — Нянцзы, ночь уже глубокая… Давай займёмся чем-нибудь поинтереснее.

Горячее дыхание Синшу опалило кожу, а в голосе звучал неприкрытый соблазн.

Дыхание Цзилиня на миг перехватило, но он всё же перехватил шаловливые руки супруга и убрал их от себя:

— Нельзя.

— Это ещё почему?

Пусть эти присланные демонами красавицы и не представляли угрозы для их чувств, Синшу частенько слышал, что гармония в постели — залог долгой любви. А с тех пор, как он очнулся, между ними не было никакой близости.

— У супругов есть естественные потребности, — не унимался Синшу. — Неужели ты меня совсем не хочешь? — Не давая Цзилиню вставить ни слова, он добавил: — А я вот тебя очень хочу.

Глядя в эти искренние, полные жара глаза, император почувствовал, как дёрнулся кадык. Но он остался непреклонен:

— Сказал же — нельзя. Вставай.

Если бы Синшу присмотрелся, он бы заметил, что кулаки Цзилиня, покоившиеся по бокам, сжаты так крепко, что на тыльной стороне ладоней проступили вены. Он явно сдерживался из последних сил.

— Нет, — на сей раз Синшу решил не уступать. Они лежали так близко, что скрыть телесные реакции друг от друга было невозможно. — Я же чувствую: ты тоже хочешь. Зачем терпеть? Это вредно для здоровья. Мы женаты, нечего тут стесняться.

У Цзилиня не осталось выбора. Он решительно оттолкнул Синшу в сторону, поднялся с постели в растерзанных одеждах и бросил:

— Спи один. Я уйду в боковой дворец.

С этими словами он развернулся, намереваясь уйти.

Жуань Синшу, не ожидавший такого поворота, на мгновение опешил, но тут же среагировал и вцепился в край императорского одеяния.

— Пусти, — отрезал Цзилинь.

— Не пущу! — Синшу держал мёртвой хваткой, а потом и вовсе пустил в ход тяжёлую артиллерию — начал откровенно капризничать. — Ты не можешь уйти, нянцзы! Мне плохо, я не засну!

Цзилинь оставался холоден. Тогда Синшу, развалившись на постели, принялся беспорядочно дрыгать ногами, глядя на него с немым укором:

— Ты меня обижаешь. Скажи честно: мы в браке всего три года, а я тебе уже надоел? Неужели… неужели ты считаешь, что я старею и теряю красоту?

Цзилинь: «…»

— Молчишь? Значит, я прав! — Синшу закрыл лицо руками и демонстративно всхлипнул.

Три года брака, увядающая красота… Что за нелепица? У Цзилиня запульсировала жилка на лбу.

— Замолчи, — процедил он.

Синшу послушно затих, но продолжал мелко вздрагивать всем телом, изображая крайнюю степень обиды.

Если бы он не раздвигал пальцы, подглядывая за реакцией супруга, сцена могла бы показаться вполне убедительной. Цзилинь прекрасно видел все эти уловки, но сердце его всё равно предательски дрогнуло.

Он окинул Синшу быстрым взглядом и сухо бросил:

— Используй руку.

Жуань Синшу мгновенно перестал притворяться. Он вскочил, усевшись на постели, и уставился на императора сияющими глазами:

— Правда можно?

— М-м-м.

Цзилинь мысленно убеждал себя: рука-то твоя собственная, к чему такие вопросы. Он подобрал одеяло, которое Синшу в порыве чувств скинул на пол, и едва успел присесть на край кровати, как его правую ладонь накрыли чужие пальцы.

От этого прикосновения Цзилинь вздрогнул, словно обжёгся. Он нахмурился и сурово спросил:

— Это ещё что?

— Ты же сам сказал: «используй руку», — Синшу обиженно закусил губу, заметив, как похолодел взгляд супруга. — Ты уже согласился, нянцзы. Обратно слова не заберёшь.

— Я не это имел в… — Цзилинь осёкся. Его едва не разобрал смех от злости: Синшу умудрился вывернуть его же собственные слова в свою пользу.

— Нянцзы, — Синшу смотрел на него с нетерпением. — Ну же, скорее.

Раз уж дело зашло так далеко, спорить было бесполезно. Пальцы императора начали медленно двигаться.

Спустя некоторое время Цзилинь с ледяным лицом схватил подушку и швырнул её в Синшу:

— Заткнись. Ни звука.

Синшу отшвырнул подушку в сторону и прошептал:

— Тогда поцелуй меня.

«Ну и наглец же ты, — подумал Цзилинь, криво усмехнувшись».

Но Жуань Синшу уже подался вперёд, обвил его шею руками и сам приник к его губам.

http://bllate.org/book/17521/1662355